

Д.М.Валеев

КОНВЕНЦИЯ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 2000 ГОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15 декабря 2000 г.) и три Протокола к ней является системным международным нормативно-правовым актом. Отмечается, что к очевидным достоинствам конвенционного механизма борьбы с транснациональной организованной преступностью относятся ее всеобъемлющий характер, комплексный подход к предмету регулирования, наличие конкретно-регулятивных норм, уникальный процессуально-охранительный механизм сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Кроме того, к положительным качествам Конвенции относятся охват серьёзных преступлений, имеющих транснациональный характер, совершённых организованной преступной группой; открытость для создания новых научных знаний, детальная конкретизация порядка осуществления взаимной правовой помощи между ее государствами-участниками по регулируемым вопросам, включение в нее ряда положений, носящих принципиальный характер для формирования международно-правовых основ борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Вместе с тем, анализ Конвенции позволил определить ряд так называемых «проблемных норм» с точки зрения их теоретико-правового совершенства. В статье анализируются способы устранения таких пробелов в международно-правовом регулировании противодействия транснациональной организованной преступности, делается прогноз о возможности устранения существующих рисков в правоприменении.

Ключевые слова: Транснациональная организованная преступность, преступления международного характера, Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказанию за неё, Протокол № 3 против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

В последнее время наблюдается новая тенденция в транснациональной организованной преступности, связанная с нахождением новых способов преодоления международных режимов по борьбе с отмыванием денег. Использование современных технологий связи, наличие гибких сетей, использование благотворительных мероприятий для реализации своих преступных целей позволяют транснациональной организованной преступности длительное время практически легально осуществлять преступную деятельность. На фоне слабой информированности и сложности применения быстрых процедурных мер в ходе уголовных расследований, которыми «отягчены» современные государства, транснациональный преступный бизнес процветает. Транснациональность (распространённость по всему миру) не означает того факта, что истоки таких преступных группировок не произрастают в конкретных государствах.

По данным Росфинмониторинга, им во взаимодействии с другими государственными органами в результате проверки осуществления закупок товаров, работ и услуг, контролируемых лицами, зарегистрированными в офшорных юрисдикциях, за период 2013-2014 гг. вы-

явлен целый ряд исполнителей по многомиллиардным контрактам на общую сумму свыше 275 млрд. рублей, имеющих учредительские связи с иностранными компаниями. К примеру, Росфинмониторингом во взаимодействии с правоохранительными органами установлено хищение бюджетных денежных средств в рамках государственного контракта по опытно-конструкторской работе на сумму более 500 млн. руб. Часть из похищенных средств в размере более 150 млн. руб. была переведена на счета аффилированной с обвиняемыми американской компании. В результате совместных мероприятий в доход государства в настоящее время помещено 130 млн. руб.

Следует отметить еще одну группу рисков – риски социальной напряженности, в первую очередь связанные с пресечением фактом финансирования терроризма и экстремизма. В 2014 году в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму включено 4139 физических и юридических лиц. Из них по российскому списку – 3610 физических лиц и 61 организация. По международному списку – 380 физических лиц и 88 иностран-

ных организаций. По линии противодействия финансированию терроризма и экстремизма проведено более 6 тысяч финансовых расследований. По данным материалам возбуждено 62 уголовных дела, 32 – переданы в суд, вынесено 15 обвинительных приговоров.

В 2014 году Росфинмониторингом во взаимодействии с УФСКН России по г. Москве проведено финансовое расследование по фактам незаконного оборота в целях сбыта сильнодействующего вещества и легализации преступных доходов в размере 32,1 млн. рублей с виртуальных кошельков организаторов преступлений. В ходе расследований выявлена единая межрегиональная схема, действовавшая в 2012-2013 гг. под управлением международной преступной группы и направленная на незаконное распространение сильнодействующего вещества на территории Московской, Ростовской, Новосибирской, Калининградской областей и Приморского края. По материалам Росфинмониторинга УФСКН России по г. Москве возбуждено уголовное дело по признакам состава преступлений, предусмотренных ч.3 ст.234 УК РФ и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. По приговору суда осужденным назначено наказание до 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества общей стоимостью 30 тыс. долларов США и 6,1 млн. руб.¹

Приведенные данные позволяют определить не только современные *тренды* противодействия транснациональной организованной преступности, но и акцентировать внимание на некоторых недостатках международного права, которое играет важную роль в борьбе с международной преступностью в целом. К последним можно отнести *пробелы международного правового регулирования, нормативную противоречивость, низкую эффективность имеющихся международно-правовых институтов*. Ряд этих недостатков вызван объективными причинами, а ряд – внутренними противоречиями процессов универсализации и унификации права.

При анализе любого международно-правового акта необходимо иметь в виду не только его юридические характеристики, но и политические, социально – экономические, этические и научно-теоретические условия его разработки и последующей реализации. Все они, отражая системный характер международного правового акта, «работают» на выработку оптимальных способов реализации его субъектами международного права.

К такого рода системным международным нормативно-правовым актом можно отнести Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15 декабря 2000 г.) и три Протокола к ней².

В чем же специфические черты и особенности Конвенции ООН 2000 г. как основополагающего международно-правового документа? Мы полагаем, что уникальность данной Конвенции проявляется в следующем.

Во-первых, Конвенция носит всеобъемлющий характер, если принять во внимание тот факт, что в подготовке её текста участвовали делегации более чем 120 стран и международных организаций.

Во-вторых, в отличие от некоторых других универсальных конвенций, целью которых является урегулирование одного предмета (к примеру, консульские конвенции, таможенные конвенции, патентные конвенции и т.д.) данная Конвенция регулирует широкий спектр правовых проблем: введение уголовной ответственности за организацию и участие в преступных сообществах, отмывание денег, коррупцию, противодействие правосудию.

В-третьих, в Конвенцию включены нормы конкретно-регулятивного характера, устанавливающие способы предупреждения транснациональной организованной преступности (к примеру, выявление всех форм отмывания доходов).

В-четвёртых, в Конвенции установлен уникальный процессуально-охранный механизм сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с транснациональной организованной преступностью: предусмотрены новые методы раскрытия преступлений; оказание взаимной правовой помощи государствами – участниками; выдача лиц, подозреваемых в совершении преступлений транснационального характера; передача осуждённых лиц, передача уголовного производства; защита свидетелей, помощь потерпевшим, сбор и анализ информации о характере организованной преступности и обмен такой информацией.

В-пятых, Конвенцией охватываются серьёзные преступления, имеющие транснациональный характер, совершённые организованной преступной группой, наказуемые по уголовному законодательству государств-участников Конвенции на срок не менее 4-х лет и более строгим наказанием и конвенционные преступления (создание организованной преступной группы и участие в ней, коррупция, отмывание преступных доходов, воспрепятствование осуществлению правосудия).

В-шестых, Конвенция является открытым для создания новых научных знаний международно-правовым документом. В ч. 2 ст. 28 Конвенции устанавливается, что государства-участники рассматривают возможность расширения аналитических знаний относительно организованной преступной деятельности и обмена ими между собой и через посредство международных и региональных организаций. С этой целью в надлежащих случаях должны разрабатывать

¹ www.fedsfm.ru

² Далее будет употребляться термин – Конвенция.

ся и использоваться общие определения, стандарты и методология (курсив наш – Д.В.). Такое обязательство по развитию важнейших аспектов науки международного права не прослеживается в других Конвенциях ООН. В этом, на наш взгляд, усматривается знаковость Палермской Конвенции, определившую новую тенденцию в содержании конвенционального развития международного права.

В этом, по нашему мнению, выражается открытость Конвенции в плане её стремления совершенствоваться посредством развития понятийно-методологического аппарата, однозначно понимаемого и используемого в правоприменительной практике государств – участников. Так, при «конструировании ст. 5 Конвенции, закрепляющей обязательства государств криминализовать участие в организованной преступной группе, разработчики учитывали известную американскому праву концепцию сговора, в соответствии с которой сами факты создания преступной организации и участия в ней рассматриваются как оконченные преступления. В то же время, была принята во внимание используемая в континентальном праве теория соучастия, где сговор на совершение преступления или поиск сообщников оценивается как приготовление к соответствующему преступлению»³.

В-седьмых, впервые на международно-правовом уровне в Конвенции детально конкретизирован порядок осуществления взаимной правовой помощи странами-участницами по регулируемым ею вопросам.

В-восьмых, Конвенция установила ряд положений, носящих принципиальный характер для формирования международно-правовых основ борьбы с транснациональной организованной преступностью. По нашему мнению, это принцип информационной достаточности, который выражается в содействии силами средств массовой информации углублению понимания обществом факта существования, причин распространения и опасного характера транснациональной организованной преступности, а также создаваемых её угроз в будущем.

Вместе с тем, *анализ Конвенции позволил определить ряд так называемых «проблемных норм» с точки зрения их теоретико-правового совершенства*. Разумеется, мы понимаем причину появления не всегда исчерпывающе точных формулировок, «обтекаемых» диспозиций таких норм. Они кроются в широком распространении так называемого «мягкого права», призванного соблюсти основные принципы международного права, закреплённые в Уставе ООН, и, прежде всего, принцип, касающийся обязанности в соответ-

ствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства и принцип суверенного равенства государств⁴.

В этой связи Ю.С. Безбородов полагает, что в большинстве случаев результатом правотворческой деятельности международных организаций «становятся не правоустанавливающие акты, а акты, содержащие нормы так называемого «мягкого права»⁵. Международная правоприменительная практика свидетельствует о том, что, обосновывая свою правовую позицию, государства-участники международных договоров обращаются к нормам «мягкого права» точно также, как и к нормам «жёсткого права». По нашему мнению, нормы «мягкого права» способствуют более безболезненному вхождению государств в международное правовое поле, акцентируя их право совершать действия, исходя из собственных усмотрений. В Палермской Конвенции такие «мягкие нормы» представлены в значительном объёме.

Например, в части 7 ст. 12 устанавливается, что государства – участники *могут рассмотреть* (курсив наш – Д.В.) возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства».

Таких «мягких норм» в Конвенции содержится (с учётом Протоколов к ней) **более 30**. Нет сомнения в том, что такие нормы, очевидно, будут изменяться в направлении большей императивности.

На Палермской конференции одновременно с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, проведенной 12-15 декабря 2000 г., было подписано лишь два протокола: Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё. Протокол № 3 против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов а также боеприпасов к нему, был утверждён в следующем 2001 году, что объяснялось условиями работы над пакетом

⁴ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXIV) Генеральной Ассамблеи ООН)

⁵ Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы // Ю.С.Безбородов. М.: Волтерс Клувер,. 2008. С.80. См. также: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М.: Спарк, 1997.

³ Михайлов В. Палермская Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Российская юстиция. 2001. № 7.

из четырех международно-правовых документов, включающих Конвенцию и три перечисленных протокола. Работа ООН над ними продолжалась три года (с 1999 по 2001 год).

Целью Протокола № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху является конкретизация преступлений, носящих транснациональный характер и совершённых организованной преступной группой. Незаконный ввоз мигрантов по суше, морю и воздуху является, с одной стороны, одним из высокодоходных видов преступного бизнеса, а с другой стороны – основой для совершения многих других видов транснациональных преступлений – торговли людьми, обращение их в рабство, торговля физиологическими параметрами человека и др. Как сказано в Преамбуле Протокола, до его принятия не было универсального документа, в котором затрагивались бы все аспекты незаконного ввоза мигрантов и другие, связанные с этим вопросы.

Конкретизация правовой нормы приводит к определённости права. При этом сфера правового регулирования значительно расширяется. Например, в статье 1 установлено: цель настоящей Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с нею. Эта цель является *целью – вектором*, устанавливающим основные параметры борьбы с транснациональной организованной преступностью. Цель же Протокола № 1 – это цель – модуль, т.е. одна из нескольких целей, заданных целью – вектором, то есть конкретно – однозначная цель.

Связь Протокола № 1 с Конвенцией проявляется в том, что преступления, признанные таковыми в соответствии со статьёй 6 Протокола, рассматриваются как преступления, признанные таковыми в соответствии с Конвенцией.

Незаконная миграция приобрела транснациональный характер. В настоящее время легальные и нелегальные иммигранты составляют более 15 % населения в более чем 50 странах. К 2015 году эти показатели резко возрастут, увеличивая социальные и политические трения в странах и, соответственно меняя их национальную сущность⁶. На фоне нестабильной обстановки в ряде африканских и мусульманских стран значительно возрос поток мигрантов этих государств в Европу. О кардинальном изменении национального состава государств, может быть, говорить явно преждевременно, но о воздействии этих объективных процессов в современном мире на транснациональ-

ную преступность уже сейчас допустимо утверждать. Слабость правозащитных систем в развивающихся странах, снижение правоохранительного контроля в квазимегополисах способствуют незаконной миграции и фактической безнаказанности транснациональных преступных группировок, превращающих незаконную миграцию в сверхприбыльный бизнес.

Акцентируя внимание на тщательной проработке в Протоколе механизма борьбы с незаконным ввозом мигрантов по суше, морю и воздуху, следует признать, что *менее всего проработанным оказался вопрос определения способов борьбы государств – участников с незаконным ввозом мигрантов по воздуху*. Хотя этот способ является менее доступным транснациональным организованным преступным группам по причине серьезной организации контроля за международными полетами, осуществляемой государствами, но, тем не менее, практика показывает, что наблюдается тенденция к расширению его использования благодаря возможности легализации своего преступного бизнеса во многих развивающихся странах (появление всё большего числа воздушных перевозчиков, контактирующих с организованными преступными сообществами или не стремящихся анализировать неправомерность таких перевозок и воспрепятствовать им).

Вызывают сомнения и некоторые формулировки Протокола № 1.

Например, подпункт (ii) пункта 1 ст. 6, устанавливающий требование криминализации, гласит, что каждое государство – участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно и с целью получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду (курсив наш – Д.В.)... ii) приобретение или предоставление такого документа или *владения им* (курсив наш – Д.В.).

Мы полагаем, что понятие «иная материальная выгода», используемое в ст. 6 Протокола, требует уточнения в отношении умысла мигранта, а подпункт (ii) пункта 1 ст. 6 сформулировать следующим образом: «приобретение или предоставление такого документа или владение им, если не будет доказано, что лицо, владеющее документом, не знало о его противоправном происхождении».

Анализируя Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию, отметим, что проблема торговли людьми существовала всегда, но внимание международного сообщества к ней проявилось в 1990-х годах. Создаётся впечатление, что человечество живёт в эпоху работорговли, а не цивилизованного общества начала XXI века. Об этом убедительно говорят следующие цифры: количе-

⁶ Цит. по: Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник трудов/ Под ред. В.Я.Мизюкина, В.В.Сорокина-Барнаул, 2009. С. 93.

ство детей, увозимых из дома и продаваемых в рабство ежегодно во всём мире достигает 1 млн. человек; по оценкам ООН, только на торговле людьми организованные преступные группы зарабатывают 3,5 млрд. долларов ежегодно. Согласно экспертным заключениям ежегодно доходы криминальных группировок от продажи женщин (трафик) из России и стран СНГ составляет 7 млрд. долларов.⁷

Е.Б. Мизулина полагает, что Протокол № 2, судя по его Преамбуле, задумывался авторами как документ, который должен был стать универсальным по отношению ко всем другим, приятным до него, включающим все аспекты «торговли людьми», но, по справедливому выводу автора, Протокол № 2 всё – таки имеет юридическое значение как дополняющий международно-правовой акт, направленный на борьбу с торговлей людьми, а не заменяющий их, и даже не систематизирующий их положения⁸. Мы солидарны с этим выводом Е.Б.Мизулиной и полагаем, что *отсутствие в Протоколе № 2 системной связи с другими международно – правовыми актами приводит к деформации иерархии этих актов, не препятствует существенным сбоям в правоприменительной практике государств – членов многих международных Конвенций.*

Как следует из аннотированного руководства к Протоколу ООН против торговли людьми⁹, Протокол № 2 является правоохранительным, а не правозащитным документом, то есть в основном правоприменительным документом. С точки зрения прав человека было бы предпочтительней, чтобы международный документ против торговли людьми был создан правозащитным, а не правоохранительным органом. Однако стимул к подготовке нового международного документа появился вместе с желанием международного сообщества разработать документ для противостояния быстрому росту транснациональной организованной преступности в данной сфере (Протокол был разработан Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). В связи с этим был создан сильный правоохранительный документ с относительно слабым акцентом на защиту прав человека и оказание помощи жертвам.

Члены Совета по правам человека участвовали в процессе обсуждения Протокола с целью убедиться в том, что Протокол, во-первых, включает в определение

торговли людьми принудительный труд, рабство и состояние подобное рабству, независимо от того, происходит ли это внутри страны или за её пределами, и, во-вторых, признаёт права и отвечает потребностям жертв торговли людьми. Протокол содержит широкое определение торговли людьми и охватывает как её международные, так и некоторые внутренние аспекты. Вторая цель по большей части была достигнута. Правоохранительные части Протокола написаны «обязывающим языком», то есть «государства – участники обязуются», в то время как статьи или пункты, посвящённые защите и поддержке жертв (см. ст. 6,7 Протокола и ст. 24, 25 Конвенции), содержат юридически более слабые термины, такие как «в надлежащих случаях», «по мере возможности»¹⁰.

На наш взгляд, это не недостаток, а скорее, наоборот, достоинство Протокола № 2, так как правоприменительно в условиях большого количества международных соглашений, регулирующих однотипные общественные отношения, легче ориентироваться в них по признаку объекта правового регулирования.

Недостаток данного Протокола заключается в другом, – «определение торговли людьми», содержащееся в Протоколе, далеко от совершенства уже хотя бы потому, что подневольное состояние рассматривается здесь как один из способов торговли людьми, и как её цель (через понятие эксплуатации). Аналогичный смысл заключен и в понятии «эксплуатация», которое характеризует такое положение, в которое человек попадает вследствие совершения акта торговли людьми. Здесь в одном ряду упоминаются и «институты и обычаи, сходные с рабством» и «подневольное состояние», тогда как второе является следствием первого»¹¹.

Протокол № 3 против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов а также боеприпасов к нему в качестве цели устанавливает содействие развитию, обеспечению и укреплению сотрудничества между государствами – участниками для предупреждения и пресечения незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему и борьбы с этими деяниями (ст. 2).

Протокол также определяет общие требования к системам экспортно-импортных и транзитных лицензий или разрешений. Такие лицензии или разрешения должны содержать информацию, которая включает место и дату выдачи, дату истечения срока действия, названия страны импортера и страны экспортера, конечный пункт доставки, количество оружия.

⁷ См.: Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общ. Ред. Е.В.Тюрюкановой и Л.Д.Ерохиной. М: Academia, 2002. С.с. 11, 13, 19, 37.

⁸ Мизулина Е.Б. Указ. соч. С.74.

⁹ Джордан Энн. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми /Энн Джордан, (пер. с англ – О.А.Полетаева), под ред. Ф.Л.Синицына. Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестра». М., 2005. С.77.

¹⁰ См. : Джордан Энн. Указ. соч. С.50-55.

¹¹ Мизулина Е.Б. Указ. соч. С.20.

Важнейшее положение, на наш взгляд, содержится в ст. 12, устанавливающей *правило передачи соответствующей информации государствам-подписантам Протокола*. Естественно, что эта информация касается вопросов об уполномоченных изготовителях, дилерах, импортерах, экспортерах и перевозчиках огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

Кроме того, государства передают друг другу, в случае необходимости информацию об организованных преступных группах, которые участвуют в незаконном изготовлении или обороте огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему; передают информацию о средствах сокрытия, используемых при незаконном изготовлении или обороте огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, способы их выявления; кроме того передается информация о трафике оружия (маршрутах перемещения и доставки).

Таким образом, *Протокол выполняет роль юридической основы, международно-правовой рамки для действий государств в сфере борьбы с распространением «оружейного зла», а также ориентирует государства и правительства на активную правотворческую работу по созданию частоккола запретов на пути распространения этого зла*.

Мировая статистика показывает, что огнестрельное оружие по-прежнему является самым востребованным видом вооружения, а поэтому самым продаваемым. Транснациональная преступность рассматривает торговлю оружием, незаконное изготовление его и боеприпасов к нему как один из самых прибыльных

видов своей деятельности. Международному сообществу характерно в целом придание гипертрофирующего значения фактору силы. Об этом свидетельствует тот факт, что «в мире вновь развернулась неконтролируемая гонка вооружений. Среди главных причин новой глобальной гонки вооружений – нарастающая дестабилизация международных отношений, а также политика Соединённых Штатов по «принуждению к миру». Инициированные Вашингтоном конфликты в Ираке и бывшей Югославии продемонстрировали призрачность надежд на международные гарантии безопасности, заставили другие государства искать защиту своего суверенитета в укреплении вооруженных сил»¹². Оказываемая в настоящее время военная помощь ряда западных стран Украине по «урегулированию» сложившегося внутрисударственного конфликта также не способствует достижению этих гарантий.

Таким образом, анализ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и других, связанных с ней международно-правовых актов, показывает, что в настоящее время в международном праве сформировалось обязательство общего характера по сотрудничеству государств и международных организаций по предупреждению и борьбе с транснациональной организованной преступностью. Однако его реализация зависит от принятия конкретизирующих данное обязательство международно-правовых норм в форме многосторонних или двусторонних договоров или иных международных договоренностей. Перспективным представляется развитие международного сотрудничества в рамках международных региональных организаций, путем использования их нормативно-правовых регуляторов.

Библиографический список:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXIV) Генеральной Ассамблеей ООН).
2. Андриченко Л.В., Хабриева Т.Я. Правовое регулирование межнациональных отношений по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 3. 2013. С. 393-416.
3. Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы // Ю.С.Безбородов. М.: Волтерс Клувер,. 2008.
4. Гасанзаде С.Б. Вопросы борьбы с преступностью против детей в международном и национальном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 2. 2012.
5. Джордан Энн. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми / Энн Джордан, (пер. с англ – О.А.Полетаева), под ред. Ф.Л.Синицына. Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестра». М., 2005.
6. Капустин А.Я. Конституционные приоритеты права межгосударственной интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreign legislation and comparative law. – 2013. – 6. – С. 1030 – 1036.
7. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. – 2014. – № 7.
8. Корпунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности // Полис, 2009, № 1.
9. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М.: Спарк, 1997.
10. Михайлов В. Палермская Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Российская юстиция. 2001. № 7 .

¹² Корпунов С.В. Диалектика национальной и международной безопасности // Полис, 2009, № 1. С.13.

11. Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: Межвузовский сборник трудов / Под ред. В.Я.Мизюкина, В.В.Сорокина-Барнаул, 2009.
12. Сазонова К.Л. Концепция «международного преступления государства» как основание международно-правовой ответственности: сравнительный анализ доктринальных позиций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreignn legislation and comparative law. – 2013. – 3. – С. 460 – 465.
13. Сухаренко А. Н. Противодействие транснациональной организованной преступности в России: состояние и проблемы / А. Н. Сухаренко // Международное публичное и частное право. 2007. № 2.
14. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. / Под общ. Ред. Е.В.Тюрюкановой и Л.Д.Ерохиной. М: Academia, 2002.
15. Хабриева Т.Я. Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreignn legislation and comparative law. – 2014. – 1. – С. 4 – 15.

References (transliteration):

1. Andrichenko L.V., Khabriyeva T.Y. Pravovoye regulirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv / Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. № 3. S. 2013 393-416.
2. Bezborodov YU.S. Mezhdunarodnyye model'nyye normy // YU.S.Bezborodov. M.: Volters Kluver, 2008.
3. Gasanzade S.B. Voprosy bor'by s prestupnost'yu protiv detey v mezhdunarodnom i natsional'nom prave // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. № 2. 2012.
4. Dzhordan Enn. Annotirovannoye rukovodstvo k Protokolu OON protiv trgovli lyud'mi / Enn Dzhordan (per. S angl – O.A.Poletayeva), pod red. F.L.Sinitsyna. Tsentri pomoshchi perezivshim seksual'noye nasiliye «Sestra». M., 2005.
5. Kapustin A.Y. Konstitutsionnyye prioritety prava mezhdunarodnoy integratsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Zhurnal zagranichnykh zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2013. – 6. – S. 1030 – 1036.
6. Kapustin A.Y. Mezhdunarodnoye pravo i vyzovy XXI veka // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2014. – № 7.
7. Korpunov S.V. Dialektika natsional'noy i mezhdunarodnoy bezopasnosti // Polis, 2009, № 1.
8. Lukashuk I.I. Normy mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii. M.: Spark, 1997.
9. Mikhaylov V. Palermskaya Konventsiya OON protiv transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti // Rossiyskaya yustitsiya. 2001 № 7.
10. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoriya, sovremennost' i perspektivy globalizma: Mezhvuzovskiy sbornik trudov / Pod red. V.YA.Mizyukina, V.V.Sorokina-Barnaul, 2009.
11. Sazonova K.L. Kontseptsiya «mezhdunarodnogo prestupleniya gosudarstva» kak osnovaniye mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti: sravnitel'nyy analiz doktrinal'nykh pozitsiy // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Zhurnal zagranichnykh zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2013. – 3. – S. 460 – 465.
12. Sukharenko A. N. Protivodeystviye transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti v Rossii: sostoyaniye i problemy / A. N. Sukharenko // Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo. 2007. № 2.
13. Torgovlya lyud'mi. Sotsiokriminologicheskiy analiz. / Pod obshch. Red. Ye.V.Tyuryukanovoy i L.D.Yerokhinoy. M: Akademiya, 2002.
14. Khabriyeva T.Y. Garmonizatsiya pravovoy sistemy RF v usloviyakh mezhdunarodnoy integratsii: vyzovy sovremennosti // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Zhurnal zagranichnykh zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2014. – 1. – S. 4 – 15.